

«Эпатаж в искусстве — это рыночный товар», —

утверждает лидер группы Три «О» Сергей Летов

У прочитавшего до середины послужной список лидера группы Три «О» Сергея Летова создается ощущение знакомства с долгой и счастливо прожитой жизнью. Действительно непонятно, как этот человек, которому нет еще и сорока, успел столько. С кем он только не играл и не записывал диски! Тут и Курехин, и «Алиса», и ДДТ, и ДК, и «Центр», и «Ночной проспект», и масса международных джазовых составов. Работал с театрами Анатолия Васильева, Михаила Мокеева, Олега Киселева, с итальянским театром объездил всю Италию... Участвовал в перформансах легендарных «Коллективных действий», играл в лютеранских церквях и перед королевой Дании, признавался журналом «Джаз» лучшим отечественным джазовым флейтистом и вторым баритон-саксофонистом... Уф! И все это надо еще помножить на три. Если же сюда добавить историю исключения из физико-математической школы при новосибирском Академгородке «за склонность к агитации в молодежной среде», то получится портрет лидера российской импровизационной музыки.

— Егор Летов, лидер «Гражданской обороны», это твой однофамилец?

— Нет, это мой родной брат. Именно так я к нему и отношусь, как к младшему брату, проявляя известную снисходительность к его деятельности. Конечно, я причастен к его творческой карьере, поскольку пробудил в нем интерес к рок-музыке, когда он еще учился в первом классе. И первый его инструмент был приобретен при моем содействии. В дальнейшем я пытался привлечь его в ту музыку, которой сам занимаюсь. Мы даже вместе репетировали с барабанщиком Михаилом Жуковым, он даже играл в 84-м в «Поп-механике» на бас-гитаре. Но со временем Егор понял, что такая музыка для него неорганична, круг ее слушателей невелик. К тому же у него возникло желание стать как бы первым в своем деле. И он вернулся из Москвы в Омск и создал «Гражданскую оборону»...

— В каком году было создано Три «О»?

— В 85-м, а до этого я испробовал множество самых разнообразных вариантов. Три «О», куда вошли Аркадий Шилклопер и Аркадий Кириченко, оказалось точным попаданием. И даже происшедшая через некоторое время смена состава не изменила сути этого трио. У нас сохранилось распределение ролей — традиционный джаз, академичес-

кая музыка и радикальный авангард, которым занимаюсь я. На место Кириченко пришел трубач Юрий Парфенов — солист биг-бэнда Олега Лундстрема. Шилклопер играл в оркестре Большого театра, его заменил Александр Александров, игравший в оркестре Мравинского. Так что в Три «О» практически ничего не изменилось. В этом году мы будем отмечать свое десятилетие, что является рекордом долголетия для групп, ориентированных на новый джаз.

— Как удается достигать взаимопонимания между такими разнохарактерными музыкантами?

— Ну у каждого из нас есть возможность выступлений вне Три «О». Но главное, избранный нами принцип «лебедь, рак и щука», как ни странно, способствует нашей взаимной заинтересованности друг в друге. Как правило, самые лучшие свои идеи мы привносим в Три «О». Наверное, это вытекает из особенностей нашей музыки. Стилистически она неопределенна, ее нельзя обозначить каким-то конкретным термином — авангард, джаз, фольклор... Мне нравилось, когда в 80-х нас называли классическим постмодерном. Но сейчас это слово потеряло всякий смысл, им называют все что угодно. Поэтому уже стало неприлично употреблять этот термин в приличном обществе.

Думаю, специфика нашей музыки заключается в особенности русской ментальности, в том, что наш этнос может обнимать собой множество мелких ксений, объединять представителей самых разных культур. Я очень увлекаюсь армянской музыкой. Парфенов большой знаток исламской музыки. У нас можно обнаружить элементы практически всякой музыки, вплоть до рока, который порой проскальзывает у Александрова со времен его участия в «Аквариуме» и «Звуках Му». Все эти элементы сплавляются в единое целое.

В принципе вся наша музыка — это как бы игра с музыкой. Допустим, мы играем фугу, но это «как бы фуга». Или блюз, который является имитацией блюза. Мы играем не конкретные стили...

— А свое отношение к ним?

— Да. При этом мы не стремимся их как-то унижить, окаринировать. Понимаешь, все, что попадает в нашу культуру, утрачивает свой исконный смысл и приобретает какой-то другой, странный. Поэтому у нас получается «русский блюз», «русская фуга».

— Помимо Три «О», ты играешь со множеством самых

разных музыкантов. Что это дает?

— Дело в том, что я занимаюсь музыкой, которая только отчасти компонируемая. Наполнение ее материалом происходит во время концерта. Поэтому участие в импровизации с самыми различными партнерами — это очень важно. Это, собственно, так же важно, как и говорить. Ведь разница между музыкальной импровизацией и исполнением записанных произведений примерно такова, как и между разговором и чтением текста. Конечно, кто-то может быть и умнее тебя, и он напишет гениальный текст. Но при этом мы ведь не только читаем чьи-то произведения, но и любим поговорить. Точнее, нам это тоже необходимо.

Многие музыканты обладают колоссальной способностью слышать друг друга, производить какие-то интересные обработки твоей фразы и возвращать ее тебе в трансформированном виде. Это очень интересно. При чем музыкальные импровизации в новом джазе — это примерно то, что Бахтин называл полифонией Достоевского. Западноевропейская классическая полифония — это повторение чего-то одного и того же — мысли, идеи, фразы — на разных смысловых уровнях. А наша полифония — преломление идеи в разных формах. Именно поэтому в Три «О», где играют джазист, классический музыкант и импровизатор, одна и та же идея трансформируется в разных музыкальных культурах и формах. Такие взаимодействия очень интересные.

Поэтому Три «О» с большим интересом выступает с музыкантами других культур. Около года мы работали с замечательной тувинской певицей Сайнхо, которая сейчас живет в Австрии. До сих пор выступаем с прекрасной цыганской певицей Валентиной Пономаревой. У нас был совместный проект со швейцарскими музыкантами, которые исповедуют радикальный фриз-



джаз, с Сергеем Курехиным... В немецкой группе «Эмбрио» вместе с нами выступали певец из Марокко, барабанщик из Индии, негритянский саксофонист из США...

— А каковы ваши взаимоотношения с залом?

— Порой возникают диалоги с публикой. Например, как-то мы выступали с поэтом Кедровым в Манеже. И один человек из зала выразил свое недовольство: «Что это за музыка?! Это какая-то марсианская музыка!» И мы повели с ним диалог через инструменты, т.е. стали в них говорить. А голос, пропущенный, скажем, через суафон, приобретает любопытное звучание. Так наша композиция плавно перешла в творческий спор с этим человеком.

Но, как правило, Три «О» публика принимает благожелательно, активное непонимание встречается редко. Мы прошли прекрасную школу, выступая с актером Филиппенко, который читал на эстраде всякие смешные истории из Зощенко и Жванецкого. Публика, приходящая на эти концерты, была очень непритязательна — посетив ГУМ, ЦУМ и «Детский мир», приходили в Театр эстрады посмеяться. Этот замечательный актер показал нам, что мы можем выступать и в огромных залах.

Многие воспринимают нас как сумасшедших, психов, но это смешно, а посему интересно... Активно не принимают новую музыку совсем иные люди, имеющие музыкальное образование. Они смотрят на мир сквозь призму штампов — «Это

должно быть таким, а это этаким». Кстати, на Западе это встречается чаще, чем у нас. Там считают, что музыкальный авангард должен представлять собой рев, свист, грохот, эпатаж. Но тихая музыка — «это для авангарда плохо». Мне кажется, творчество состоит не в том, чтобы специально эпатировать публику. Такой эпатаж становится рыночным товаром.

— Много ли у нас в стране новоджазовых музыкантов?

— Я знаю практически всех, кто у нас занимается такого рода музыкой. И значительная часть из них уехала. Остались буквально единицы. Школа свободной импровизации существует в Смоленске, где живет один из пионеров импровизационной музыки виолончелист Владислав Макаров. В Петербурге существует замечательный дуэт Владимир Волков — Вячеслав Гайворонский. В Новосибирске есть очень интересный дуэт «Хомо Либера», но они очень редко выступают в Европе. Затем группа «Архангельск» Владимира Резицкого.

Но самое печальное заключается в том, что после 80-х годов не появилось новых новоджазовых музыкантов. Единственное исключение — дуэт Алексея Айги и Олега Липатова, они пришли недавно. Так что ситуация нерадостная.

— А почему в нашем джазе нет девушек?

— Видимо, в силу консервативности взглядов. Вообще «весь этот джаз» — это как бы неприличная область. «Дави на

газ, все будет джаз!» — все абсолютно так... Однако на Западе женских джазовых ансамблей немало, там это нормально.

— Каковы ваши взаимоотношения с традиционными джазменами?

— У них не очень хорошие отношения к тем, кто занимается новым джазом. Это такая партийная вражда. Отчасти их можно понять. Но в то же время я могу слушать их музыку, а они не могут нашу. У нас нет общих точек соприкосновения. Хотя, думаю, сейчас они должны появиться. Это связано с тем, что моя организационная деятельность нашла отклик в Западной Европе. Я был принят в Европейскую джазовую компьютерную сеть, которая объединяет владельцев джазовых клубов. Пока я единственный ее член в СНГ. Сеть призвана облегчить контакты между джазовыми музыкантами — обмениваться информацией, планировать совместные гастроли, заполнять пустые места в турах по Европе, организовывать фестивали. Думаю, в связи с этим у нас должно возникнуть тесное общение в первую очередь с Московской джазовой ассоциацией. Мы хотим помочь традиционным музыкантам и не хотим играть роль собаки на сене.

Интервью взял В.Т.

Фото Дмитрия ПРЕОБРАЖЕНСКОГО.

На снимках: С.Летов и Сайнхо; С. Курехин и С. Летов.



Ведущий рубрики Владимир ТУЧКОВ